

УДК 321

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТРУДАХ С.С. УВАРОВА

Н.Н.Козлова

Тверской государственной университет
кафедра политологии

Автор исследует гендерные аспекты государственного управления в трудах министра просвещения (1833-1849 гг.) С.С. Уварова. Выявляет принципы андроцентризма, патриархатности и маскулинизма российской политики и государственности.

Ключевые слова: *политика, государственное управление, гендер, маскулинность, андроцентризм, патриархат*

Сергей Семёнович Уваров (1786–1855 гг.) вошёл в историю российской социально-политической мысли как представитель консерватизма [11, с. 529-534], сформулировавший «теорию официальной народности» [5, с. 93-95, 107] – «Православие. Самодержавие. Народность», которая, по мнению некоторых исследователей, служит формулой русской культуры [2, с. 142-149].

С.С. Уваров принадлежал к древнему роду Головиных и с двух лет воспитывался в доме князей Куракиных, родни по материнской линии, где его наставником был бежавший от французской революции аббат Манген [10, с. 57-58]. Исследователи жизни и творчества Уварова отмечают важность данного факта, считая, что именно гувернёр привил воспитаннику идеализированное представление о правящем сословии старого света и очевидное желание превратиться из русского «служилого по отечеству» в европейского аристократа [3, с. 46; 6]. В своих воспоминаниях о князе де Лине Уваров напишет, что «будучи ещё молодым» был «страстно влюбленным в то, что называлось старым режимом» [7, с. 335].

По мнению автора, позицию Уварова можно охарактеризовать как аристократический консерватизм с незначительными элементами либеральных свобод для элиты, которые позволяют ей в большей степени считать себя не подданными, а гражданами своей страны. Будучи консерватором, Уваров осудил французскую революцию, стремился сохранить сословные границы, в том числе и в подведомственной ему системе образования, отказывал массам в праве на участие в политике. Французская революция, которую Уваров называет «кровопролитием, совершаемым именем человеческого разума», формирует в нём консервативную установку «защищать свои

огромные развалины, восстанавливать, а не строить новое здание», – пишет он [7, с. 79]. Будучи апологетом самодержавия, Уваров в принципе отрицает возможность революционных переворотов, считая, что «если к несчастью для человечества на трон восходит государь, находящийся во власти неумеренных амбиций, то это означает болезнь политического тела, единственным средством от которой являются время и терпение (курсив мой. – Н.К.)» [7, с. 178]. В то же время, с точки зрения Уварова, французская революция открыла всю слабость прежней системы европейских государств и породило в Уварове первые ростки разочарования европейской культурой.

В свои молодые годы Уваров ещё не находил в отечественной культуре тех сил, которые обеспечивали бы самобытное развитие российской цивилизации, а неприемлемость западного пути развития приводила его к переориентации на восток. В 1810 году он пишет «Проект Азиатской академии», посвящая его жителям Востока, обезображенных «варварскими современными учреждениями», но сохранявших некоторые черты своего древнего облика [7, с. 67]. С гендерной точки зрения в указанных и других ранних работах Уварова проявляется андроцентризм взглядов будущего министра – в его представлении мужчины являются носителями этничности: «Араб из пустыни под своим шатром поднимает свою живописную голову, чтобы послушать сказку. Грустной песнью он оплакивает своего любимого боевого коня» [7, с. 67]. Уваров использует в своих произведениях гендерно насыщенные категории «отцы науки», «патриархи», «мужи», «сыны», «братья», в которых мужчины выступают как носители социальности [7, с. 262, 265, 270, 332, 328.]. В «Речи президента императорской академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в торжественном собрании главного педагогического института» (1818 г.) (далее – Речь) Уваров указывает, что «история... принимает свое начало на равнинах Азии под сенью патриархов в мирном кругу семейственной жизни. Святая простота нравов, под влиянием которых власть отца представляла власть монарха, а человек и гражданин были ещё неразлучны в одном лице» [7, с. 261]. Патриархально-патриархатный идеал социально-политического устройства, при котором «власть для сильных, рабство для остальной части народа, ... женщина – орудие наслаждения или воспроизводительности» [7, с. 328], явно привлекает Уварова.

Дальнейшие попытки обосновать ценность и неповторимость российской цивилизации привело Уварова в начале 1830-х годов к созданию «теории официальной народности». Основными составляющими российскую цивилизацию компонентами, по Уварову, выступают «три кита» - самодержавие, православие и народность. Под влиянием Н.М. Карамзина, задавшего исключительно высокий статус

государства в политическом сознании россиян, Уваров поставил самодержавие на центральное место в триаде. Как и Карамзин, Уваров придерживался мнения, что в отличие от западного российское государство может иметь только одну форму – самодержавие, т.е. сливаются форма и сущность государства. Как показали оба консерватора, любое изменение форм российского государства ведёт к его разрушению, и потому оно не способно идти по пути институциональной модернизации.

Государство видится мыслителям как отделившийся обособленный аппарат управления, который гарантирует единство и стабильность социума как целого. Отвергая парламентаризм, партийность и прочие элементы либеральной политической модернизации, Уваров рассматривает монархов как «орудия Высочайшей воли, единственно пекущейся о благе общем» [7, с. 312]. Н.А. Зверева характеризует данную систему как патерналистскую: «Патернализм – идея истинной монархии, когда государь по мере движения общества к истинному просвещению берёт на себя бремя забот о своих подданных, обеспечивая тем самым моральный и материальный прогресс своей страны» [3, с. 76-78].

Полагая институциональную политическую модернизацию в России невозможной, отрицая возможность выдвигать требования монарху, Уваров акцентирует внимание не на права, а на обязанности подданных, советует им «более любить своё отечество, свою веру, своего государя» [7, с. 271] и утверждает, что «должны мы не только ожидать благотворных мер со стороны правительства, но ещё сами обязаны всеми силами содействовать оному» [7, с. 293]. Такая позиция Уварова открывает путь культурной модернизации – просвещенного абсолютизма, в котором фундаментальную роль будет играть «истинное просвещение». С точки зрения министра, истинное просвещение представляет собой «ничто иное, как точное познание наших прав и обязанностей, то есть обязанностей и прав человека и гражданина – истинное просвещение ожидает от вас, юные питомцы, подвига жизни и жертвы всех душевных сил» [7, с. 261].

А. Зорин считает, что Уваров был одушевлен исключительно амбициозным проектом постепенного изменения общества через институты народного просвещения без репрессий [4, с. 73]. Аналогичной позиции придерживается и С.В. Удалов, показывая в своём исследовании, что Уваров искал компромисс в отношениях между властью и обществом, стремился не навязывать, а по возможности внушать идеи, угодные правительству, склоняя общество на свою сторону [9].

С.С. Уваров признавал ценность и необходимость европейского образования, но при условии существования «Русской системы»,

которая согласна «с настоящим положением вещей, с духом народа, с его нуждами, с его политическим правом» [7, с. 293]. Система отечественного образования, по мнению министра, должна была простираться «на разные состояния в государстве, на разные возрасты и оба пола» [7, с. 355]. Однако безусловным приоритетом являлось «благородное юношество». Отдельное воспитание «лучшего цвета возрастающего поколения» определялось их предназначением к занятию важнейших должностей в государстве [7, с. 351]. На посту министра просвещения Уваров придерживался патриархатных принципов, заботясь о приобретении для академии «мужей с талантами и основательными знаниями». В гимназиях, по мнению Уварова, должны обучаться юноши, долженствующие «со временем произносить приговоры касательно чести и имущества сограждан своих или вести их по пути воинской славы, или творениями своими образовывать и восхищать сердца их» [7, с. 207].

Таким образом, постановка вопроса о будущем России и её решение изначально предполагали исключённость влияния и учёта социальных групп, в том числе и женщин, на политику, которая носила элитарный и базировалась на принципах андроцентризма, патриархальности. В своих трудах Уваров показывает, что именно мужчины являются субъектами истории, политики, творцами цивилизации. И если он и признает необходимость женского образования, то с целью вывести женщин из-под контроля домашнего образования губернёров-французов. Уваров ориентирован на сословные гендерные роли и создаёт модели аристократической маскулинности и фемининности. Он стремится законсервировать время личностей, а не масс и не народа, подчеркнуть величие их деяний, индивидуальных черт и качеств. Политика, с точки зрения министра, является исключительно мужским делом. В рамках созданных Уваровым биографических портретов великих, с его точки зрения, людей получают свои чёткие очертания модели маскулинности. В лице Александра I он создаёт модель «совершенной государственной маскулинности», в которой наряду с традиционно приписываемыми мужчинам качествами силы и ума, включаются такие черты, как миролюбие, уравновешенность и пр. Победа над Наполеоном выдвинула на первый план военные заслуги Александра I, в патриархатной картине мира традиционно связанные с маскулинностью. Однако для будущего министра принципиально важным было подчеркнуть миролюбие российского самодержца. «Наш век прославлен Александром первым. Нести с собой мир самый что ни на есть нерушимый – вот главная слава, увековечившая его имя», – пишет Уваров [7, с. 155]. Величие Александра он оттеняет образами других завоевателей, таких как, Кир, Александр Македонский, Юлий Цезарь. В целом негативно он оценивает порожденные воинственным

духом походы всемирно известных полководцев, так как они «не только ни в чем не улучшили судьбу человечества, но ещё больше увеличили его беды» [7, с. 155]. Миролюбие Александра I можно расценивать как новые элементы в характеристике императора, так как по свидетельству Е.А. Вишленковой, в тот исторический период мир ассоциировался «с такими понятиями, как любовь, семья, братство», очевидными для христианской этики и непривычными для политического языка той эпохи, а «Александр I в общественном мнении был не миротворцем, а освободителем и победителем» [1, с. 21, 23].

Политику российского самодержца, прославившего Отечество силой оружия, его победу над Наполеоном I Уваров рассматривает как свидетельство справедливости и эффективности политического строя России и личную заслугу его главы. В противовес империи Уваров создает свою идеальную модель «просвещенного государства» Александра I, в котором «не прибегают ни к демону войны, ни к фанатизму мнений» [7, с. 157]. Просвещение ограничивает злоупотребления неограниченной властью, так как спокойствие и процветание в государстве обеспечивает «общественное мнение, существующее у всех классов», которое «при одной только мысли о постыдном действии пробуждает совесть и возмущает порядочность» [7, с. 160]. Управление таким государством Уваров сравнивает с двумя моделями потестарных отношений. Во-первых, просвещенное государство обладает властью, аналогичной власти священника над его паствой, так как «опорой правительству там служат в первую очередь плоды просвещения и добрые нравы» [7, с. 157]. Во-вторых, «образцом доброго правительства, умеющего внушать гражданам любовь к мудрым законам, охраняемым с надлежащей силой, может служить дом частного лица, в котором хозяин добр по отношению к верным слугам и суров по отношению к преступным, готовым взбунтоваться» [7, с. 181]. Неформальный, патриархально-патриархатный характер отношений между властвующими и подчинёнными – общая черта, объединяющая оба примера. Государь опирается на свой моральный авторитет, но в то же время готов в случае необходимости применить силу. Справедливость, поддержанная силой, – вот главное кредо Уварова. Сила как основная маскулиная характеристика остаётся в политическом портрете Александра I.

В понимании Уварова, государь является надсословной и надпартийной фигурой, он правит в интересах общего блага. Отсюда вытекает и особая ответственность первого лица государства: в нём одном заключается величие народа, который он представляет; он «соединяет в себе свойства христианина, философа и воина. Удивительное поведение императора Всероссийского, его характер,

твердость, политические его правила, рыцарские добродетели – это наше достояние (курсив мой. – Н.К.)» [7, с. 234-235].

Аристократическая модель маскулинности с её понятиями чести, достоинства, внутреннего самоконтроля, соединения «величайшей мощи с величайшей умеренностью» [7, с. 160], силы с миролюбивостью выписана автором в политическом портрете Александра I. В отличие от либеральных доктрин источником ограничения власти монарха для Уварова являются не новые политические институты, а совесть и мораль самого монарха. «Истинная политика не может сделать шага, не присягнув заранее морали», – пишет Уваров [7, с. 201]. «Герой в порфире, гражданин на троне, миротворец на брани, законодатель и просветитель», который «блистает под эгидой святой веры и святого человеколюбия» [7, с. 252], в силу своих выдающихся добродетелей создаёт особую моральную, но не правовую связь с подданными. Тема покровительства, патроната и заботы монарха о подданных носит патриархально-патриархатный характер, консервирует сложившиеся социально-политические отношения и исключает поставку вопроса о правах и свободах подданных.

Гендерные аспекты государственного управления в трудах Уварова можно раскрыть и в биографиях других аристократов-политиков: полководца Жана Виктора Моро, которому автор посвятил «Надгробное слово», «четыре мужей» прусского и российского государственных деятелей Штейна и Поццо-ди-Борго. Уваров уважает решение Моро сражаться за свои политические идеалы с целью вернуть своему отечеству дореволюционную систему управления. Понимая власть как бремя, а политику как деятельность одного лица – монарха, Уваров высоко оценивает отказ Моро от предложенной ему власти. По его мнению, властолюбие заставляет людей забывать об общем благе: «Никогда его не видели придающимся суетному властолюбию, которое он бы называл безумным и бесчеловечным...» [7, с. 217]. С точки зрения Уварова, Моро как человек сдержанный, не властолюбивый, не имел склонности к интриганству, не умел составлять заговоры и ненавидел гражданскую войну, отличался благородными помыслами и выполнял свой долг подданного [7, с. 221], а его политические идеалы базировались на реализме, ибо он придерживался мнения, что мечты человека никогда не должны влиять на его поведение в политике [7, с. 225].

В друге юности Наполеона, а позднее – вдохновителе антинаполеоновской коалиции, русском дипломате и графе Поццо-ди-Борго, Уваров ценит прежде всего аристократический дух: «... Поццо, плебей, возникший из одной школы с Наполеоном, был, собственно, мужем власти, питал отвращение к стихии демократической, а доверие

только к постановлениям, крепко утверждённым, и даже охотно облёк бы оные отличительными признаками самодержавия» [7, с. 487].

Создавая политический портрет Штейна, Уваров отмечает его патриотизм как политического деятеля («Германии служил ревностно и мужественно», а «привязанность его к прусской монархии и её вождю не ведала пределов» [7, с. 484]). Уваров разделяет цель трудов Штейна: «совокупить отечество могущественное и свободное под одно знамя, даровать ему постановления просторные ... собрать около себя полный сонм способных мужей родины» [7, с. 485]. Самопожертвование как альтернативу воле к власти отмечает Уваров в характере Штейна: «Силу и бескорыстие, возвышенные гражданские намерения, благородные нравственные добродетели, врожденную гордую честность принёс Штейн на алтарь Отечества» [7, с. 485]. Понимая переломность исторического момента, Уваров пишет, что оба государственных мужа были суровыми защитниками порядка и были более искусны в битве нежели в созидании, а потому являлись «чистым произведением своего века» [7, с. 488]. Таким образом, старые аристократические идеалы мужественности политиков подразумевали нелюбовь к народной стихии, преданность отечеству, наличие идеалов и бескорыстие.

Отличие от мужчин, чья сфера деятельности – государственное управление, Уваров полагает для женщин частную жизнь, построенную на их отрешенности от политики. Жизненное пространство женщин-аристократок по описанию автора – салоны, а смысл их занятий – «желание нравиться», которое «было высшим законом» [7, с. 343]. Уваров подчёркивает, что в салонах «политика не составляла главного предмета разговора – она всегда уступала место литературе» [7, с. 518].

Традиционные женские роли жены и матери Уваров демонстрирует также в очерке, написанном по случаю кончины вдовы Александра I – императрицы Елизаветы – 3 мая 1826 года, которую Уваров назвал одной из самых «совершенных женщин, когда-либо живших на земле» [8]. Будущий министр просвещения видит особую связь императора и императрицы, но не видит в ней самостоятельную личность, называя её частицей императора, а его – лучшей половиной её существования: «У императрицы только одно желание: ни на одну минуту не разлучаться со своим августейшим супругом» [8].

С.С. Уваров отмечает традиционные женские добродетели императрицы: скромность, благочестивость, желание жить без чванства и огласки. Тон некролога свидетельствует о том, что Уваров сочувствует императрице в её нелёгкой царской доле. Он пишет о «тесном круге жизни женщины», определенном «судьбой и любовью», о постоянном уединении императрицы, о её связи с природой, об отдохновении в искусствах. Размышления Уварова о принципах социального мироустройства и политического управления носят

андроцентричный и патриархатный характер. Азиатская и европейская цивилизации и их история являются плодом мужской деятельности, жизнь мужчин происходит в политике, в материальном производстве, в области науки и искусства, в борьбе с внешним миром и миром природы. Женщины исключаются из историко-созидательной деятельности, а их работа по воспроизводству населения, носит частный характер и обрекает их на повторение жизненных циклов.

При конструировании моделей маскулинности и фемининности Уваров ориентируется на аристократические с элементами рыцарства идеалы дореволюционной Франции, когда представители обоих полов высшего света проводили время в салонах, обсуждая политические события, достижения в области искусства и т.д. Будучи приверженцем монархической формы правления, он создаёт идеальную маскулинную государственность в образе российского императора Александра I, который не обладает традиционно мужскими агрессивными чертами завоевателя, но способен защитить своё государство. Аналогичные качества патриотизма, самопожертвование личными интересами, благочестие Уваров прописывает и в портретах других мужчин-общественных деятелей, отражавших столпы его триады «Православие. Самодержавие. Народность».

В выстроенных на андроцентризме социально-политических идеях и идеалах Уваров мало уделяет внимания женщинам и женскому. Рассматривая жизнь императрицы Елизаветы, вдовы императора Александра I, он приходит к выводу, что смысл жизни женщины состоит в том, чтобы быть дополнением своего супруга, заботливой матерью и хозяйкой. С его точки зрения, сфера искусства, литературного и театрального творчества допустима для женщин, но не как постоянная работа и источник дохода. Он пытается совместить аристократическую салонную культуру с патриархальными установками, которые придают ей неформальный семейный характер, отражают ценность для консерватора Уварова таких социальных институтов как семья и брак. Поэтому среди новаторских идей XIX века Уваров мог предложить женщинам только образование, направленное на выполнение своих семейных обязанностей. Государственное управление «русской системой» должно было оставаться патриархальным и патриархатным.

Список литературы

1. Вишленкова Е.А. Война и мир в политической риторике России первой четверти XIX века // Консерватизм в России и мире / отв. ред. А.Ю. Минаков. – Воронеж: ВГУ, 2004. Ч.1. С.13-27.
2. Гулыга А. Формула русской культуры // Наш современник. 1992. №4. С. 142–149.

3. Зверева Н.А. Общественно-политические взгляды С.С. Уварова: дис... канд. ист. наук. – Волгоград, 2005.
4. Зорин А. Идеология «Православие–самодержавие–народность»: опыт исторической реконструкции // Новое литературное обозрение. 1997. №26. С. 71–104.
5. Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. – СПб.: Колос, 1906.
6. Соловьев Ю. Трилистник империи (русская идея графа Сергея Семёновича Уварова) // <http://www.metakultura.ru/vgora/metaist/solov.htm>
7. Уваров С.С. Избранные труды / Сост., авторы вступительной статьи и комментариев В.С. Парсамов, С.В. Удалов; автор переводов В.С. Парсамов. – М.: РОССПЭН, 2010.
8. Уваров С.С. Императрица Елисавета Алексеевна. Род. 13-го янв. 1779 г., ум. 4-го мая 1826 г. / пер. Е.Б. Зубовой // <http://memoirs.ru/texts/UvarovRS1884.htm>
9. Удалов С.В. Теория официальной народности: механизмы внедрения // <http://www.sgu.ru/files/nodes/9843/08.pdf>
10. Шевченко М.М. Конец одного величия: власть образование и печатное слово в Императорской России на пороге освободительных реформ. М.: Три квадрата. 2003.
11. Шевченко М.М. Уваров С.С. // Консерватизм середины XIX – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 529–534.

GENDER ASPECTS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE TEXTS BY SS UVAROV

N.N. Kozlova

Tver State University,
Department of Political science

The author investigates gender aspects of public administration in the texts by minister of education (1833-1849) S. S. Uvarov. Reveals principles of an androcentrism, a patriarchy and a masculinity of the Russian policy and statehood.

Keywords: *politics, public administration, gender, androcentrism, masculinity, patriarchy*

Об авторах:

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», e-mail: n_s@pochta.ru

Научная библиотека ТвГУ